

Н. И. НОВИКОВЪ

И ЕГО ЖУРНАЛЬНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

(Окончаніе.)

Хотя русскіе масоны и не занимались вообще высшимъ искусствомъ дѣлать золото, жизненный элексиръ и т. д., но тѣмъ не менѣе многіе изъ нихъ стремились постичь эту мудрость и поступали въ масонство въ надеждѣ возвыситься со временемъ до нея. Съ этою цѣлью многіе изъ нихъ занимались своими науками; у нихъ была даже цѣлая энциклопедія, называвшаяся „Теоретическій градусъ соломоновыхъ наукъ“. Въ этой книгѣ излагались слѣдующія ученія: „О стихіяхъ вообще. Объ огнѣ. О воздухѣ. О водѣ. О землѣ (масонство считало это четырьмя основными простыми тѣлами). О стихійныхъ вещахъ и духахъ. О тѣлесныхъ вещахъ. О соли. О сѣрѣ. О ртути (три вещества, надъ которыми преимущественно работали масоны). О сѣмени всѣхъ вещей. О рожденіи. Соблюденіи. Разрушеніи. Дѣйствіи верхнихъ звѣздъ. О метеорахъ. О металлахъ. Рожденіи металовъ. Золотъ. Серебръ. Меньшихъ металлахъ. Дорогихъ камняхъ. Простыхъ камняхъ. Минералахъ. О растительномъ. О животномъ царствѣ. Человѣкъ. О болѣзняхъ человѣческаго тѣла. О болѣзняхъ ума. О согласіи всѣхъ вещей“. До какой степени вся эта сумбурная мудрость была далека отъ истинной науки, читатель сейчасъ увидитъ. Важнѣйшею наукой для масона была химія, но не „простая“ химія. „Между извѣстною простою химіею, говоритъ одна масонская рукопись,—и между вышнею химіею ордена есть неизрѣченная разность. Она есть младенецъ, а сія есть исполинъ: что химіи ордена невозможно, то простой химіи остается вѣчно невозможнымъ. Последняя строить

между тѣмъ для насъ низшія степени той великой лѣствицы, по которой мы должны идти, чтобы выше взйти“. „Наши мудрые мастера суть одни законные натуры испытатели; они одни могутъ съ непрекословною истиною утверждать, что они знаютъ натуру въ цѣломъ ея округѣ (пространствѣ), понеже наука ихъ вникаетъ (сильно входитъ) во внутрѣшная ея и подаетъ имъ безопаснѣйшую руководства нить въ тысячекратномъ лабиринтѣ ея бесчисленно различныхъ дѣйствій безопасно выискиваться, все развивать, искусно и твердо загражденные замки ея размыкать и въ центрѣ натуры всѣ въ пространномъ ея царствѣ находящіеся явленія изъяснять и доказывать. Напротивъ, профанскіе физики, такъ-называемые натуры испытатели и натуры учителя, кругомъ скачутъ всегда на поверхности всѣхъ трехъ натуры царствъ, осязаютъ своими руками и всѣми пятью чувствами произведенія и явленія ея и воображаютъ себѣ, что могутъ оныя изъяснить...“

Орденская химія, отличаясь отъ химіи „профанской“, требовала и особыхъ пріемовъ, и особыхъ орудій. Такъ: „для познанія природы не употребляется печки съ проклятымъ стихійнымъ огнемъ (пишетъ московскій розенкрейцеръ въ своемъ дневникѣ.) Всѣ работы съ углями не сообразны съ природою“. Изученію природы придавался особый, таинственный смыслъ, и не всякій могъ или имѣлъ право имъ заняться: практическія работы допускались только въ высшихъ степеняхъ, и то соблюдая извѣстную постепенность; такъ, магіей могли заниматься лишь достигшіе восьмой степени. „Восьмая степень будетъ первою ступеню магіи, пишетъ въ своемъ дневникѣ розенкрейцеръ, — тамъ мы научимся познавать священный огонь и будемъ въ состояніи его осязать нашими руками“. „Сложеніе женщинъ неудобно для магическихъ работъ: чистота исчезаетъ“ (Незеленовъ, 106.) Масоны начинали уже учиться и золото дѣлать, и „универсальное лекарство“ составлять. „Тедень далъ мнѣ, пишетъ въ своемъ дневникѣ одинъ московскій розенкрейцеръ, — пробу золота, которое начало разлагаться“. Онъ сообщаетъ даже, въ другомъ мѣстѣ дневника, нѣкоторые свѣденія о процессѣ приготовления золота: „Въ процессѣ (добыванія золота) клерикаловъ, говоритъ онъ, — не употребляется огня. Вещество собирается предъ восходомъ солнца и должно быть крѣпко закупорено въ сосудѣ прежде, чѣмъ взойдетъ солнце; потомъ оставляется 40 дней и ночей во впадинѣ скалы; вынимается оттуда; свѣтло-голубая вода

отдѣляется отъ земли и всегда наполняетъ ее. Такая работа повторяется до шести разъ, чтобы чрезъ то произвести изобиліе золота“. Когда былъ болѣнь Шварцъ, то московскіе масоны посылали въ Берлинъ за универсальнымъ лекарствомъ. И если-бы не извѣстный погромъ, то, по всей вѣроятности, наши масоны усовершенствовались-бы и въ „вышнемъ градусѣ“. Но, и не дѣлая золота, они много занимались всевозможною мистическою, іероглифическою и обрядовою ерундой. Мы уже говорили объ эффектныхъ обрядахъ посвященія въ масоны заграничей; у насъ было не лучше, и вотъ какъ, напр., совершалось это посвященіе по елагинскимъ ритуаламъ: „Вся ложа одѣяна чернымъ сукномъ; помостъ или полъ покрыты чернымъ покрываломъ, на которомъ разсѣянно нашиты золотыя слезы. На сіе покрывало поставляется въ существѣ черный гробъ, на которомъ вѣтвь акаціи и дѣйствительная мертвая голова съ принадлежащими костями и серебряная медаль или бляха кладется. Въ головахъ гроба къ западу циркуль, а въ ногахъ прямоугольникъ находится. вмѣсто трехъ подсвѣчниковъ постановляются три сидящіе на черныхъ подножіяхъ, на подобіе кубическаго камня сдѣланныхъ, скелета, изъ коихъ каждый держитъ тройной подсвѣчникъ съ трѣмя зажженными свѣщами. Жертвенникъ одѣянъ также чернымъ съ золотыми слезами; и вокругъ изъ серебрянаго флера фестонъ, и впереди вышита мертвая голова съ принадлежащими и накрестъ положенными костями. На жертвенникѣ стоятъ вмѣсто обыкновенныхъ трехъ подсвѣчниковъ три серебряныя мертвыя головы на ихъ, крестообразно сложенныхъ, костяхъ... Всѣ чиновники и всѣ братія одѣяны въ черныхъ епанчахъ и съ распушенными шляпами... Братъ-стражъ имѣетъ вмѣсто одной двѣ шпаги въ рукахъ. Въ сѣверѣ и югѣ повѣшены черныя картины, представляющія мертвыя головы, лежащія на крестообразно сложенныхъ костяхъ, и подъ ними написано: *memento mori*, или: помни смерть“. Брата ищущаго вводятъ въ ложу спиною и ставятъ лицомъ къ стѣнѣ, „да не омрачится скорымъ и нечаяннымъ возрѣніемъ“. Затѣмъ онъ начинаетъ „по-мастерски путешествовать“; при этомъ онъ самъ держитъ лѣвою рукою у груди конецъ шпаги; ведущій его второй надзиратель останавливается съ нимъ у нарисованныхъ мертвыхъ головъ, причемъ проситъ его размышлять о смерти; то-же напоминаетъ ему и великій мастеръ при прохожденіи востока ложи. „Во время

путешествія братья стоятъ окрестъ и близь гроба, наклонивъ голову на руку. Во гробѣ лежитъ подъ окровавленную плащаницею единый изъ младшихъ мастеровъ“. По окончаніи путешествія ищущаго подводятъ къ жертвеннику: „подводится онъ, дѣлая три шага черезъ гробъ или тѣло... Ему, у жертвенника стоящу, готовится гробъ, въ который его повергнуть должно“. У жертвенника приносить онъ обѣтъ молчаливости. Послѣ того великій мастеръ три раза ударяетъ молоткомъ съ произнесеніемъ словъ принятія. При третьемъ ударѣ, когда произносится слово „смерть“, принимаемый „повергается во гробъ и покрывается окровавленной плащаницею. По семъ происходитъ великая тишина“. Тогда „великій мастеръ ударяетъ по эфесу шпаги своей 9 ударовъ, надзиратели ему отвѣчаютъ, а братья въ то-же время стремительно бѣгутъ ко гробу и концы шпагъ на лежащаго устремляютъ“.

Новиковъ могъ увлечься нравственною стороною масонства, но его свѣтлый практическій умъ не могъ примириться ни съ крайнимъ мистицизмомъ ордена, ни съ его нелѣпыми обрядами.

Въ 1774 г., рассказывается въ одномъ документѣ, „нѣкоторые изъ посѣщавшихъ Новикова пріятелей (масоновъ) собрались у него въ домѣ, послѣ предварительнаго вступленія, не требуя отъ него обѣта, прочли ему принятіе и противъ (его) ожиданія поздравили его членомъ своего общества. Мы знаемъ тебя, говорили они,—знаемъ, что ты честный человѣкъ, и увѣрены, что не нарушишь тайны“. Новиковъ, бывшій въ это время, по собственнымъ его словамъ, „на распутіи между волтеріанствомъ и мистицизмомъ“, примкнулъ къ масонству, въ надеждѣ найти въ немъ тотъ идеалъ, который онъ такъ ревностно отыскивалъ. Онъ попалъ въ елагинскую ложу, но, увидѣвъ, что здѣсь занимались только „изъясненіемъ гіероглифовъ и аллегорій“, Новиковъ скоро отсталъ отъ нея и началъ искать другого, „истиннаго“ масонства, которое-бы соотвѣтствовало его душевному настроенію. Онъ увидѣлъ, что въ ученіи Рейхеля „было все обращено на нравственность и самопознаніе, говоренныя-же рѣчи и изъясненія произвели великое уваженіе и привязанность“, и онъ присталъ къ Рейхелю, выбравъ, такимъ образомъ, лучшую сторону масонства, его нравственную основу. Трудно уяснить себѣ вполне умъ-

ственное состояніе Новикова въ это время, но можно вполне достоверно утверждать, что онъ сдѣлался масономъ только отчасти и въ значительной степени оставался алектикомъ, только значительно измѣнившимъ свое прежнее направленіе.

Журналы Новикова „С.-Петербургскія ученыя Вѣдомости“ (1777) и „Утренній Свѣтъ“ (1777—1780 г.) были посвящены не масонству. „Вѣдомости“ занимались почти исключительно разборомъ новыхъ книгъ, а „Утренній Свѣтъ“ хотя и помѣстилъ у себя нѣсколько масонскихъ статей, но общій характеръ его не былъ масонскимъ. Вооружаясь противъ ученія энциклопедистовъ, журналъ доходилъ до того, что требовалъ „истребить невѣріе, распространяющееся черезъ вольность печатанія“ (Незеленовъ, стр. 236, 243, 249.) Впрочемъ, подобныя выходки не имѣютъ большого значенія, и такъ-какъ развитіе самого Новикова еще продолжалось, въ журналѣ по-прежнему отражалась вся внутренняя работа саморазвитія его и его сотрудниковъ. Оттого-то столько противорѣчій въ „Утреннемъ Свѣтѣ“. Въ одномъ мѣстѣ, напр., говорится объ естественномъ состояніи человѣчества, въ другомъ — помѣщается переводная статья, опровергающая ученіе объ естественномъ состояніи; въ одномъ прославляется природа, внушается любовь къ ней, въ другомъ дышетъ самый мрачный аскетизмъ и крайній дуализмъ (id., 240, 242, 244—6, 260.) Весь этотъ журналъ свидѣтельствуетъ только о неудавшейся попыткѣ построить стройное міросозерцаніе, основанное на примиреніи разума и вѣры (стр. 256.) О славянофильствѣ при этомъ не было уже и рѣчи; но за то выдвигалось на передній планъ новое, филантропическое направленіе Новикова. „Утренній Свѣтъ“ издавался съ благотворительною цѣлью. На выручаемыя за него деньги и на пожертвованія подписчиковъ, иногда довольно значительныя, было основано въ Петербургѣ два училища для бѣдныхъ сиротъ (у журнала было 800—620 подписчиковъ).

Упомянутыми школами началась обширная практическая дѣятельность Новикова. Въ 1779 г. онъ переселился въ Москву и арендовалъ на десять лѣтъ университетскую типографію. „Онъ, рассказываетъ Карамзинъ, —умножилъ механическіе способы книгопечатанія, отдавалъ переводить книги, завелъ лавки въ другихъ городахъ, всячески старался пріохотить публику къ чтенію, угадывалъ общій вкусъ и не забывалъ частнаго. Онъ торговалъ

книгами, какъ богатый голандскій или англійскій купецъ торгуетъ произведеніями всѣхъ земель, т. е. съ умомъ, съ догадкою, съ дальновиднымъ соображеніемъ. Прежде расходилось московскихъ газетъ не болѣе 600 экз.; Новиковъ сдѣлалъ ихъ гораздо богаче содержаніемъ, прибавилъ къ политическимъ разнымъ другія статьи (извѣстія о новыхъ книгахъ, открытія въ наукахъ и искусствахъ и проч.) и, наконецъ, выдавалъ при вѣдомостяхъ безденежно „Дѣтское чтеніе“, которое новостью своего предмета и разнообразіемъ матеріи, несмотря на ученическій переводъ многихъ пьесъ, нравилось публикѣ. Число пренумерантовъ ежегодно умножалось и лѣтъ черезъ десять дошло до 4,000“. При этомъ Новиковъ печаталъ всевозможныя книги, даже переводы энциклопедистовъ, противъ которыхъ онъ боролся въ своихъ журналахъ. Въ 1785 г. имъ уже было отпечатано 365 сочиненій да 55 приготовлено къ выпуску въ свѣтъ. Окруживъ себя университетскою молодежью, онъ давалъ имъ переводную работу, платилъ имъ, упражнялъ этихъ юношей, изъ которыхъ впослѣдствіи вышло не мало писателей, и первый организовалъ у насъ литературный трудъ. Нѣкоторые изъ новыхъ друзей Новикова оказались превосходными его помощниками и имѣли на него большое вліяніе. „Въ одно утро, рассказываетъ онъ, — пришелъ ко мнѣ нѣмчикъ, съ которымъ я, поговоря, сдѣлался во всю жизнь, до самой его смерти, неразлучнымъ; этотъ нѣмчикъ былъ И. Е. Шварцъ“, профессоръ московскаго университета. Несомнѣнно, что мистицизмъ Шварца повліялъ на Новикова, но хотя послѣдній и сдѣлался даже начальникомъ масонскихъ ложъ, онъ все-таки не увлекался еще масонствомъ всецѣло, относился къ нему довольно холодно, занимался преимущественно своею практическою дѣятельностью. Въ 1783 г., напр., онъ писалъ одному масону, что „всѣ великія познанія и высокія понятія“ масоновъ „большею частью только забавны и подобны забавамъ дѣтей, пугающихъ геркулесовымъ вооруженіемъ, а нѣкоторые церемоніи и обряды совершенно ложны и поддѣльны“. При этомъ онъ замѣчалъ, что хотя и нужна въ орденѣ извѣстная подчиненность „въ разсужденіи познаній“, но „долженствуетъ она оставаться братскою зависимою, а не рабскою“ (Нез., стр. 422.) Онъ по-прежнему увлекался главнымъ образомъ моральною и практическою стороною масонства и на этомъ пунктѣ сошелся съ Шварцемъ. Вмѣстѣ съ

нимъ онъ основалъ въ 1782 году, изъ масоновъ и не масоновъ, „Дружеское ученое общество“ съ цѣлью распространенія правилъ истиннаго воспитанія, выписки изъ-за границы и приготовленія въ Россіи хорошихъ наставниковъ, изданія полезныхъ книгъ и распространенія ихъ въ училищахъ. На счетъ „Дружескаго общества“ воспитывались, по словамъ Лопухина, болѣе 50 студентовъ, и нѣкоторые юноши отправлялись даже за границу, какъ, напр., Карамзинъ. Кромѣ того, Шварцъ устроилъ студенческія сходки для упражненія въ переводахъ и сочиненіяхъ, которыми потомъ наполнялись журналы Новикова. Сколько было искренности и самоотверженія въ нѣкоторыхъ членахъ „Дружескаго общества“, объ этомъ можетъ дать понятіе слѣдующій случай. На одномъ изъ засѣданій Новиковъ произнесъ трогательную рѣчь о страданіяхъ народа по случаю бывшаго тогда голода. Богачъ Походяшинъ, увлеченный рѣчью, отдалъ въ руки Новикова въ пользу бѣдныхъ все свое состояніе, болѣе 1,000,000 р. На эти деньги былъ купленъ и розданъ хлѣбъ бѣднякамъ Москвы и окрестностей. Походяшинъ-же умеръ нищимъ... Въ 1784 г. изъ „Дружескаго общества“ образовалась „Типографическая компанія“, выпустившая въ свѣтъ множество книгъ.

Въ Москвѣ, до 1785 г., Новиковъ издавалъ журналы—„Московское Изданіе“, „Вечерняя Заря“, „Прибавленіе къ Московскимъ Вѣдомостямъ“ и „Покоющійся Трудолюбецъ“. Строго выдержаннаго направленія въ этихъ, какъ и въ предыдущихъ журналахъ Новикова, не было, какъ не было его ни у редактора, ни у разнохарактерныхъ молодыхъ сотрудниковъ. Даже общая идея этихъ журналовъ—борьба противъ энциклопедистовъ и примиреніе науки съ религіей, проводилась довольно непоследовательно. Порицая энциклопедистовъ, называя ихъ въ одномъ мѣстѣ просто *подлецами*, журналы въ то-же время изрѣдка переводили статьи изъ энциклопедіи, отвергали, по Локку, врожденныя идеи и, вооружаясь противъ фанатизма, восхваляли Вольтера (Незел., стр. 221, 276, 301.) „Прибавленія къ Моск. Вѣд.“, напр., считаютъ причиною упадка Турціи фанатизмъ, тотъ-же фанатизмъ, который погубилъ и Испанію, и Геную. „Сіи люди (католическіе духовные), не работая, съѣдаютъ самолучшіе плоды человѣческихъ трудовъ и въ поносѣйшей праздности утучняются мозгомъ государства.“ Они строятъ алтари суетвѣрію и называютъ

то религіею, чтобъ споспѣшествовать невѣжеству своихъ сочеловѣковъ и отнимать у здраваго разсудка изряднѣйшія его свойства“ (id., 354.) Еще сильнѣе доставалось іезуитамъ (стр. 359.) Въ „Покоющемся Трудолубцѣ“ осмѣивались не только народныя и масонскія суевѣрія (стр. 377 и др.), но даже прославлялся XVIII в. вообще и Вольтеръ въ частности. Карая фанатиковъ, „Трудолубецъ“ заключилъ свою филиппику такими словами: фанатики говорятъ, что „нынѣ всѣ, будучи напоены вольтеровымъ духомъ, никакихъ мыслей не имѣютъ о набожности. О, проклятый Вольтеръ, со всѣми послѣдователями своими, развратившими міръ такъ, что нынѣ уже босыми ногами не ходятъ святые божіи человѣцы!“ Вредны и нелѣпы подобныя толки фанатиковъ. „Они, разсѣвая въ народѣ худое мнѣніе о мужахъ, которымъ просвѣщенные вѣки одолжены вѣчною благодарностію, хотятъ, чтобы всѣ люди были подобными имъ пустосвятами. Кто-бы ни былъ Вольтеръ, хотя и онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ неизвинителенъ, при всемъ томъ онъ одинъ гораздо былъ полезнѣе для общества, нежели все полчище пустосвятовъ. По мнѣнію пустосвятства, и по сію пору должны-бы не угасать инквизиціонныя костры, и подземныя заклепы должны-бы наполняться стономъ людей, несостоящихъ или нехотящихъ быть въ полчищѣ фанатиковъ. — О, вѣкъ (XVIII) просвѣщеннѣйшій, въ которомъ удалена вся сила мнимыя набожности! Всѣ страны свѣта, всѣ народы одолжены тебѣ всѣмъ, что ни имѣютъ они священнѣйшаго. Твоимъ неусыпнымъ бдѣніемъ всѣмъ возвращена свобода, похищенная пустою набожностію; явилось человеколюбіе ко всѣмъ, даже къ иновѣрнымъ, токмо-бы они были честные граждане; твой плодъ есть нынѣшнее распространеніе наукъ, которымъ величайшею препонаю было пустосвятство“ (стр. 374.) Стараясь примирить разумъ съ религіею, новиковскіе журналы сообщали много интересныхъ свѣдѣній, ставили иногда даже совершенно новыя для тогдашняго общества вопросы. Такъ новиковскіе журналы проводили совершенно новую для тогдашняго русскаго общества мысль объ улучшеніи женскаго быта. „Для чего наукамъ не быть сдѣланнымъ для женщинъ, равнымъ образомъ, какъ и для мужчинъ? Не имѣютъ-ли и онѣ также разумъ, память, воображеніе и здравый разсудокъ? Чудны мужчины! Они присвояютъ себѣ много такого, что сродно имъ ни почему иному, какъ потому только, что они такъ желаютъ, и потому съ

такимъ-же насиліемъ и по столь-же малымъ причинамъ объявляютъ насъ (женщинъ) неспособными къ такимъ вещамъ, въ которыхъ самый опытъ показываетъ, что мы успѣваемъ столько-жъ, какъ и они, или еще больше“. Отстаивая права женщинъ на высшее образованіе, новиковскіе журналы вооружались противъ господствующаго обычая *выдавать* дочерей за лицъ, избранныхъ родителями. „Мы, мы одни причиняемъ себѣ либо благополучіе, либо несчастіе, то должны-ли другіе для насъ избирать? Во угожденіе ихъ желанію должны-ли мы быть жертвою? По причинѣ ихъ заблужденія должны-ли мы страдать? Никакая справедливость не можетъ насъ въ семь дѣлъ подвергнуть послушанію кого-нибудь другого, и все почтеніе къ приставамъ и родителямъ оканчивается здѣсь“. О любви журналы высказывали мнѣніе, новое для того времени и вполнѣ согласное съ тѣмъ уваженіемъ къ женщинамъ, которое они пропагандировали. „Покоющійся Трудолюбецъ“ смѣется надъ тою любовью, которая порождается романами; одержимые ею дѣлаются пастушками; они въ состояніи повѣситься на первой осинѣ или броситься въ ближайшій прудъ, если лишатся предмета своей страсти. Еще болѣе нелѣпы платоники. „Эти люди столь тонкаго, но скучнаго вкуса, что имѣютъ отвращеніе къ грубымъ понятіямъ, которыя простой народъ соединяетъ съ любовью, и гоняются за чѣмъ-то духовнымъ и высокимъ... Но платонизмъ въ нынѣшнія времена рѣдокъ и гораздо многочисленнѣе платониковъ разрядъ противоположныхъ имъ эпикурейцевъ. Любовники сего рода безпрестанно бываетъ внѣ себя; страсть его столь горяча, что онъ могъ-бы сожечь васъ своимъ пламенемъ; онъ изъясняетъ о совершенствахъ своей повелительницы такимъ-же языкомъ, какимъ выхваляетъ цыганъ своихъ лошадей: какіе прелестные члены! какіе прекрасные глаза! какая восхитительная шея и грудь! Понятія ихъ не простираются дальше внѣшнихъ преимуществъ и ихъ раны могутъ только назваться тѣлесными ранами. Мы не можемъ сказать, чтобы сердца ихъ были заняты любовью, хотя они и имѣютъ, можетъ быть, грубѣйшую страсть“. Истинная любовь имѣетъ „основаніемъ своимъ почтеніе“ (стр. 285 — 7,393.) Поединки, сдѣлавшіеся такъ популярными при Екатеринѣ, рѣшительно отрицались и осмѣивались журналами. „Московское Изданіе“ помѣстило у себя исторію этого „высокопочтеннаго и благороднаго искусства челоукоубійства“ и доказывало его без

смысленность. „Вечерняя Заря“ тоже энергически протестовала противъ этого нелѣпаго обычая „смѣшивать священное имя благодарнаго чувства въ защищеніи своея чести съ тѣмъ звѣрскимъ предразсужденіемъ, которое всѣ добродѣтели поставляетъ въ шпигѣ“ (стр. 283, 309.) Журналы Новикова не имѣли никакого политическаго направленія и въ этомъ отношеніи чаще, чѣмъ во всѣхъ другихъ, противорѣчили себѣ. Такъ, „Московскія Вѣдомости“ въ одной статьѣ выражаютъ самое дурное мнѣніе о Соединенныхъ Штатахъ, а въ другой—ставятъ Вашингтона выше Моисея, Камилла, Леонида и т. д., за то, что онъ „основалъ республику, которая, вѣроятно, будетъ прибѣжищемъ свободы, изгнанной изъ Европы роскошью и развратомъ“ (стр. 363—4.) Но при всемъ томъ у этихъ журналовъ было нѣсколько опредѣленныхъ общественныхъ идей. Они не раздѣляли военныхъ увлеченій своего вѣка и постоянно вооружались противъ войны вообще (стр. 288, 398 и др.). Пропагандируя просвѣщеніе, они выяснили тѣ общественныя условія, при которыхъ возможно развитіе наукъ. Для этого необходимъ миръ, необходимо, чтобы науки служили всему народу, а не немногимъ избраннымъ. Сатира входила во многіе журналы Новикова, но какъ въ нихъ, такъ и въ специально-сатирическомъ изданіи — „Покоящемся Трудолюбцѣ“, она была по-прежнему чисто-моральной, она была даже слабѣе прежней, и ея обличенія щеголей, кокетокъ, зависти и т. д. не имѣли социальнаго значенія. Но въ двухъ случаяхъ эта сатира имѣла большую силу, когда именно она основывалась на вполне сознательныхъ идеалахъ, выработанныхъ Новиковымъ. Мы только-что указали на его мнѣніе о свободѣ мысли; оно было самымъ душевнымъ его убѣжденіемъ и ярко выразилось въ „Покоящемся Трудолюбцѣ“ сатирою „Новая логика“. Въ древнемъ мірѣ, говоритъ сатира, — было два метода уметвеннаго состязанія: Сократъ массою вопросовъ въ разговорѣ доводилъ противника до того, что тотъ самъ признавался въ своей погрѣшности; Аристотель-же, перемѣнивъ образъ атаки, изобрѣлъ множество маленькихъ стрѣлъ, называемыхъ силогизмами. Въ новыя времена европейскіе университеты слѣдовали сначала методу Аристотеля, но потомъ увидали, что такимъ образомъ можно спорить безъ конца, и придумали методъ болѣе убѣдительный, изобрѣли „Argumentum Basilinum или Bacilinum, т. е. палочный доводъ или палочное состязаніе“. За первымъ удачнымъ

изобрѣтеніемъ послѣдовали дальнѣйшія, подобныя ему, но болѣе сильныя и грандіозныя. Такъ, нынѣ въ большомъ употребленіи способъ убѣжденія, состоящій въ томъ, чтобы „съ каждой стороны выставить по сту тысячъ состязателей или убѣдителей, и сіи дефенденты доказываютъ несправедливость опонентовъ силою громоносныхъ провозвѣстниковъ истины, называемыхъ въ просторѣчій пушками, мортирами, ружьями, мечами и пр.“. Но самый убѣдительный аргументъ, который только можно представить глазамъ противника, называется по-просту пыткой. Убѣждавшіе этимъ аргументомъ „употребляли въ доводы свои разнаго рода сориты, т. е. такіе силлогизмы, которые состоятъ изъ множества мелкихъ, въ кучу собранныхъ положеній, просто называемыхъ костеръ дровъ, дыбы, застѣнки и прочая такого рода сбруя; и успѣшныя ихъ дѣйствія такую славу приобрѣли въ цѣломъ свѣтѣ, что употребленіе ихъ повсюду разеѣялось и сдѣлалось всеобщимъ; а святая инквизиція присвоила себѣ исключительное право и верховную власть пользоваться симъ преимуществомъ. Они часто съ успѣхомъ употребляемы были въ обращеніи заблуждающихъ и невѣрныхъ къ вѣрѣ христіанской.—Иногда люди выводимы были изъ заблужденія и примирались съ истиною силою здраваго разсужденія, остроумія и благоразумія со стороны убѣждающихъ; но сей способъ найденъ не такъ дѣйствительнымъ и для того отставленъ. Для скорѣйшаго-же разрѣшенія всѣхъ сомнѣній изобрѣтены были особливые убѣдительные доводы. Кнуты, петли, висѣлицы, колья, колеса, огонь и другія костоломныя орудія и машины признаны были всеобщимъ и надежнѣйшимъ средствомъ къ убѣжденію; а какъ они приведены были съ раченіемъ въ систему, то и составляли новое дополненіе къ древней языческой логикѣ или наукѣ умствовать“. „Есть еще способъ убѣждать другихъ. Съ начала свѣта онъ былъ въ употребленіи и теперь еще не переводится и состоитъ въ томъ, чтобы противорѣчащимъ отсыпать добрую мѣру денегъ. Удивительно, какъ сей силлогизмъ зажимаетъ ротъ самымъ сильнѣйшимъ крикунамъ и упорнѣйшимъ противоборникамъ! Сіятельное и превосходительное золото свѣтомъ своимъ просвѣщаетъ всякаго недоумѣвающаго, разгоняетъ въ одинъ мигъ всѣ сомнѣнія и подозрѣнія, выводитъ всякаго изъ невѣрія и заблужденія. О, разумные мѣшки! О, премудрыя денежки!.. Неоцѣненные состязатели! Вы-то поборники по-

истинѣ! Вы-то доказываете все, что хотите, систематически и аргументально. Хорошіе успѣхи сего надежнаго доказательства разлили повсюду просвѣщеніе и всякой нынѣ принялся за логику сего рода“. Вооружаясь противъ рабства вообще (стр. 308, 357), новиковскіе журналы нерѣдко говорили о положеніи русскихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Вотъ, напр., „Покоющійся Трудолюбецъ“ рассказываетъ, какъ господинъ хочетъ наградить полтиной крѣпостного слугу, котораго онъ „прежде почти всякій часъ бивалъ плетью и который, несмотря на это, спасъ ему жизнь“. Но нигдѣ положеніе крѣпостного и мысль объ его освобожденіи не выражены съ такимъ чувствомъ, съ такою силою, какъ въ стихотвореніи „Письмо къ другу“, которое написано какою-то женщиною и сильно напоминаетъ собою извѣстную пьесу Пушкина: „Уединеніе“. Авторъ пишетъ къ другу своей деревенской жизни, рисуетъ картины природы и затѣмъ переходитъ къ положенію крестьянъ.

Послѣ книги Радищева, это стихотвореніе положительно лучше всего, что было напечатано у насъ въ XVIII в. о крѣпостномъ правѣ. Далѣе, сатира Новикова всегда отрицательно относилась къ модному поверхностному воспитанію, и въ журналахъ послѣдняго періода его дѣятельности мы видимъ усиліе создать идеалъ раціональнаго воспитанія. „Московскія Вѣдомости“ посвятили воспитанію длинный рядъ прекрасныхъ для того времени статей. Само собою понятно, что въ основу воспитанія Новиковъ клалъ примиреніе разума и религіи, но множество отдѣльныхъ частныхъ были вполне новыми и полезными для его современниковъ. Такова, напр., глава о физическомъ воспитаніи, о вредѣ кормленія молокомъ, пеленанья, шнуровки дѣвочекъ и т. д. Воспитаніе состоитъ въ образованіи разума и сердца дитяти. „Образованіе разума“ состоитъ въ томъ, чтобы ребенокъ научился правильно представлять предметы и рассуждать объ ихъ свойствахъ, а также въ обогащеніи новыми знаніями. „Не погашайте любопытства дѣтей вашихъ или питомцевъ. Упражняйте ихъ въ употребленіи чувствъ“, — такимъ путемъ запасаются матеріалы для мышленія. „Не учите дѣтей ничему такому, чего они по возрасту своему или по недостатку другихъ, предполагаемыхъ при томъ познаній, разумѣть не могутъ“, напр., доказательствъ безсмертія души. Нравственное развитіе должно быть основано на умственномъ. „Натурѣ нашей врождено, чтобы воля наша въ большей ча-

сти случаевъ слѣдовала познаніямъ и предписаніямъ разума. Мы желаемъ того только, что представляемъ себѣ добромъ; если-же иногда къ добру мы безпристрастны или ненавидимъ его, а зла желаемъ и ищемъ, то почитаемъ мы тогда добро зломъ, а зло добромъ. Итакъ, чѣмъ справедливей мыслимъ мы и разсуждаемъ, и чѣмъ удобнѣе и натуральнѣе сдѣлался для насъ сей образъ мыслить и разсуждать, тѣмъ справедливей будутъ опредѣленія нашей воли и происходящія оттого желанія и отвращенія. Слѣдовательно, чѣмъ рачительнѣе обрабатывается и образуется разумъ дитяти или юноши, тѣмъ большаго можно надѣяться успѣха въ образованіи его сердца.—Приучайте дѣтей дѣйствовать по усмотрѣніямъ и причинамъ, а не по слѣпымъ побужденіямъ или по одному своему слѣсу. Добродѣтель пробудится въ дѣтяхъ путемъ ихъ собственнаго опыта и мышленія. Чтобы приучить, напр., дѣтей къ трудолюбію и порядку, нужно показать имъ, какъ люди необходимы другъ для друга, какъ трудолюбіе предохраняетъ отъ пороковъ. Чтобы пробудить въ нихъ любовь къ несчастнымъ, не удаляйте ихъ отъ „трегующихъ“ явленій изъ боязни оскорбить ихъ нѣжный вкусъ. „Съ дѣтства развивайте въ нихъ любовь ко всѣмъ человѣкамъ, безъ различія состоянія, религіи, народа или внѣшняго счастья. Не обременяйте дѣтей приказаніями; предоставьте многое собственной волѣ дитяти,—подражайте въ этомъ Богу, давшему намъ свободную волю“. Человѣкъ есть существо, „котораго разсудокъ не истреблять чувственныя побужденія и желанія долженъ, но только обладать и управлять ими“. Учите дѣтей „не изнѣживать тѣло свое, но также и не мучить его безъ нужды. Научайте ихъ почитать его, яко существенную часть человѣка, но не признавать никогда за важнѣйшую часть. Допускайте ихъ съ веселымъ духомъ наслаждаться красотами природы, пріятностями общественной жизни, удовольствіемъ умѣреннаго движенія и свободы, и всѣми невинными радостями безпечнаго возраста... не трудитесь тщетно истребить натуральныя ихъ желанія удовольствія, похвалы, чести, спокойствія и свободы, а старайтесь только благоразумно оныя умѣрить, и мало-по-малу устремить на достойнѣйшіе роды удовольствія, похвалы, чести, покоя и вольности. Собственными ихъ и чужими опытами научайте ихъ отличать видъ отъ истины и соединять настоящее съ будущимъ“. Вооружаясь противъ тѣлеснаго наказанія,

Новиковъ пропагандировалъ вообще самыя гуманныя отношенія къ дѣтямъ, а приведенныя нами мѣста показываютъ, до какой степени онъ могъ возвыситься надъ модными тогда взглядами Бецкаго, Екатерины, Фон-Визина, утверждавшими, что цѣль воспитанія не умъ, а развитіе „изящнаго сердца“. Но поднявшись на такую высоту, Новиковъ не могъ удержаться на ней и, трактуя о частностяхъ, отдавалъ предпочтеніе передъ разсудкомъ чувству въ его нераціональных формахъ (стр. 327—348.) Новикову не удалось примирить этихъ идей, какъ не удалось формулировать примиренія своего національнаго чувства съ такимъ космополитизмомъ, какой, напр., видимъ въ статьѣ „Трудолюбца“: „Первыя человѣческія чувствованія при удаленіи изъ отечества“. Авторъ говоритъ о тѣхъ преградахъ, которыя враждебно раздѣляютъ людей, какъ, напр., фанатизмъ, національныя предразсудки и т. д. Въ протестантскихъ кантонахъ Швейцаріи, напр., человѣкъ чуждаго вѣроисповѣданія не можетъ пріобрѣсть недвижимаго имущества и жениться. „Если тамъ найдется сердце, соединенное нѣжнѣйшею симпатіею съ его сердцемъ; если тамъ блеснутъ очи, въ коихъ должны разгорѣться къ нему первыя искры любви; то онъ долженъ тамъ опасаться, чтобы не видѣть всего того, что онъ желалъ-бы встрѣтить. Да будутъ тамъ дражайшія человѣческія желанія предметомъ первыхъ его ужасовъ! такъ людямъ угодно“. „Вотъ законы! се-ли, о, Боже, сіе священнѣйшее братство!“ (восклицаетъ авторъ). „О, любезное отечество! не ты-ли вся вселенная? О, друзья мои! не вы-ли всѣ честные люди?“ „Смертные! (продолжаетъ сочиненіе съ негодующею ироніей) полагайте предѣлы своимъ владѣніямъ, да раздѣлить воздвигнутый камень ваши народы, да перемѣнять васъ разные ваши обычаи по внѣшности во сто различныхъ поколѣній, да учинять васъ тысяча различныхъ свойствъ языка чужестранцами и непріятелями... обычаи да перемѣнить и обезобразить и самую вашу природу... Но напрасно вы будете трудиться: вы всегда останетесь подобны по сущности, всегда будете слабы, боязливы, даже и въ варварскомъ состояніи; расположены къ взаимной любви и при самыхъ убійствахъ; будете всегда братья, несмотря на различныя ваши наименованія; вездѣ и всегда другъ въ другъ будете имѣть нужду“.

Читатель видитъ, какъ много было хорошаго въ журналахъ Новикова, какъ старались они о распространеніи знаній, о про-

бужденіи въ обществѣ умственной и нравственной самодѣятельности. Даже при той невыдержанности направленія, при тѣхъ противорѣчіяхъ, какія постоянно встрѣчаются въ нихъ, они все-таки имѣли большое значеніе. Но ихъ вліяніе сильно парализировалось мистическими и масонскими статьями, которыхъ не было только въ „Трудолюбцѣ“. Въ этихъ статьяхъ толкуется и о древней мудрости, перешедшей отъ Адама и скрытой въ іероглифахъ (стр. 275), и о томъ, что „есть на землѣ нѣкоторые Богомъ избранные алхимическіе адепты, могущіе внутренніи наші болѣзни или пороки поправить универсальнымъ лекарствомъ“ (стр. 294), и о „египетскомъ богословіи“ (стр. 319), и о „наукѣ каббалѣ“ (стр. 380) и т. д. Встрѣчается даже аскетизмъ, превозносится прелесть смерти, и т. д. (стр. 292.) Смерть, говорится, напр., въ „Утренн. Свѣтѣ“, лучше жизни:

О, бранный человѣкъ! познай ты въ жизни сей,
Что ты есть узникъ нуждъ, поверженный въ неволю;
Оковы сниметъ смерть, и силою своей
Дастъ чувствовать тебѣ сей тлѣнной жизни долю.

Не только смерть прекрасна, но прекрасно и все то въ жизни, что напоминаетъ смерть: мрачность лучше свѣта, ибо удаляетъ душу отъ суеты и заставляетъ погрузиться въ себя. Противоположность жизни и смерти—то же, что противоположность тѣла и духа: тѣло есть часто „пища сластолюбивыхъ взоровъ“; всякое тѣлесное наслажденіе, напр. пиры, не есть что-либо высокое, — лучше не нуждаться въ матеріи; когда душа освободится отъ тѣла, она будетъ созерцать истину и жить внутри себя самой,— въ этомъ и заключается блаженство человѣка. Съ этой точки зрѣнія взаимная любовь мужчины и женщины считается зломъ: она рождаетъ пороки; она относится къ тѣлу и равняетъ людей со скотами (Незел., 240.) Все это, понятно, не могло имѣть хорошаго вліянія, и Новиковъ, сѣя одною рукою здоровья сѣмена, другою разбрасывалъ плевелы. Цѣлую жизнь боролся талантливый самоучка съ трудностями, мѣшавшими выработкѣ разумнаго идеала, цѣлую жизнь колебался онъ между раціонализмомъ и окончательнымъ мистицизмомъ. Онъ увлекался и Вольтеромъ, и масонствомъ, но его чувство не мирилось съ первымъ, а его свѣтлый умъ мѣшалъ ему броситься въ объятія послѣдняго. Наконецъ, условія воспитанія привели къ естественному результату.

Начиная съ 1784 г., Новиковъ, послѣ поразившей его болѣзни, болѣе и болѣе впадаетъ въ мистицизмъ и въ масонство. Подобно Фон-Визину и Гоголю, онъ начинаетъ раскаяваться въ своей прежней дѣятельности; онъ хочетъ успокоиться въ лонѣ масонства и всецѣло подчиниться его „милосерднымъ начальникамъ, симъ истиннымъ священникамъ единой, истинной и невидимой церкви“. Грустно становится при чтеніи писемъ Новикова, относящихся къ этому времени и свидѣтельствующихъ о паденіи такого яснаго ума, объ извращеніи такого теплаго чувства. Но въ самомъ паденіи этотъ человѣкъ невольно возбуждаетъ наше сочувствіе своею искренностью, теплою вѣрой, самоотверженіемъ. Какъ блудный сынъ, онъ смиренно преклоняется передъ орденомъ, онъ отдается весь на служеніе дѣлу, которое считаетъ великимъ. Это уже не холодный эгоистъ Гоголь, все раскаяніе котораго привело къ тому, что онъ вообразилъ себя праведникомъ и чѣмъ-то въ родѣ пророка. Но какъ ни симпатична личность Новикова, его самыя лучшія свойства могли сильно вредить обществу, какъ скоро онъ отдавалъ на служеніе масонству и свой умъ, и свою нравственную доблесть, и свой замѣчательный талантъ практической дѣятельности. Масонство получало въ немъ первостепенную силу и превосходное орудіе для распространенія умственного мрака.

Но случились обстоятельства, которыя, усиливъ мистицизмъ Новикова, сдѣлали его окончательно неспособнымъ къ какой-бы то ни было дѣятельности.

Дѣятельность Новикова и друзей его возбуждала во всѣхъ слояхъ общества множество сплетней, инсинуацій, насмѣшекъ, порождала сильную оппозицію, которая рано или поздно должна была кончиться рѣшительнымъ наступленіемъ. Теорія масоновъ возбуждала противъ нихъ духовенство, а ихъ обряды заставляли массу видѣть въ нихъ служителей злыхъ духовъ, пособниковъ антихриста. Общество считало масоновъ „отступниками отъ вѣры, еретиками, богохульниками; о нихъ разглашали невѣроятныя басни, что они заочно за нѣсколько тысячъ верстъ непріятелей своихъ умерщвляютъ, и т. п.“ (Дмитріевъ, Державинъ.) Хотя масонская филантропія была совершенно безвредна, хотя масонскій мистицизмъ былъ положительной реакціей либеральнымъ доктринамъ XVIII в., а піетизмъ ихъ боролся съ индифферентизмомъ и невѣріемъ, но даже люди, понимавшіе все это, не могли простить

свободнымъ каменьщикамъ ихъ идеи равенства, ихъ заботы о бѣдныхъ, ихъ отношеній къ крестьянамъ. Лопухинъ, напр., былъ весьма нищелюбивъ и считалъ подачу милостыни первую обязанностью вѣрующаго. „Но кн. Прозоровскій, замѣчаетъ онъ, — отчужденный былъ неохотникъ до такой морали, и подаватели милостыни казались ему бунтовщиками“. Еще болѣе возбуждалъ негодованія своимъ поведеніемъ другъ Новикова, Гамалѣя. Слуга однажды обокралъ его и бѣжалъ; когда его поймали, Гамалѣя сказалъ ему: „видно, мнѣ не суждено имѣть людей; отпускаю тебя и вотъ деньги, которыя ты взялъ; ступай съ Богомъ“. Разъ ночью встрѣтился онъ съ ворами, которые потребовали у него часы и кошелькъ; онъ спокойно отдалъ ихъ, и, пришедши домой, сталъ молиться, чтобы воры не употребили отнятаго на что-нибудь худое. За службу ему хотѣли пожаловать 300 душъ крестьянъ, но онъ отказался, говоря, что не знаетъ, какъ справиться и съ одной своей душой, и боится взять на свое попеченіе еще триста чужихъ. Все это бросалось въ глаза и заставляло смотрѣть на масоновъ подозрительно и враждебно. Въ основѣ масонства лежало нравственное пробужденіе общества, и защитники застоя не могли не возмущаться этимъ началомъ общественной самодѣятельности. Слово „фармазонъ“ сдѣлалось синонимомъ вреднаго человѣка, тѣмъ-же, чѣмъ при Петрѣ былъ „антихристъ“, въ 20-хъ годахъ „либераль“, въ 60-хъ — нигилистъ и т. д. Каждое слово, каждое дѣйствіе, мало-мальски направленныя къ общей пользѣ, возбуждали доносы и обвиненія въ фармазонствѣ. Даже губернаторы и намѣстники, защищавшіе угнетаемыхъ крестьянъ, обвинялись въ масонствѣ („Русск. Архивъ“, 1865, стр. 884.)

Екатерина относилась къ масонству враждебно, какъ противница всякаго мистицизма и послѣдовательница энциклопедистовъ. Въ своей брошюрѣ „Тайна противунелѣпаго общества“ (1780 г.) и въ комедіяхъ „Обманщикъ“, „Обобщенный“ (1785 г.), „Шаманъ сибирскій“ (1786 г.) она старалась осмѣять и мартинистовъ, и духовидцевъ, и шарлатановъ, въ родѣ Каліостро. Когда-же начались въ Германіи гоненія на иллюминатовъ, которыхъ совершенно неосновательно смѣшивали съ масонами, когда французская революція такъ встревожила всѣхъ, то литературная борьба съ масонствомъ перешла въ положительное преслѣдованіе. Для многихъ современниковъ мартинистъ, якобинецъ, иллюминатъ, шар-

латаны, въ родѣ Каліостро, были одно и то-же. Даже противника масоновъ, Радищева, считали мартинистомъ и боязнъ масоновъ доходила до болѣзненности. Новиковъ еще въ 1785 г. былъ привлеченъ къ допросу „о причинахъ, побудившихъ его къ изданію странныхъ книгъ, наполненныхъ новымъ расколомъ для обмана и уловленія невѣждъ“, и въ то-же время митрополиту Платону поручено было испытать образъ мыслей Новикова и разсмотрѣть изданныя имъ книги. Платонъ донесъ, что эти книги раздѣляются на три класса: а) литературныя, относительно которыхъ нужно желать, чтобы онѣ болѣе и болѣе распространялись и содѣйствовали образованію; б) мистическія, „которыхъ не понимаю, а потому не могу судить о нихъ“; в) „гнусныя и юродивыя порожденія такъ-называемыхъ энциклопедистовъ, кои слѣдуетъ исторгать, какъ пагубныя плевелы между добрыми сѣменами“. Что-же касается изданныхъ Новиковымъ русскихъ сказокъ и пѣсень, а также романовъ, то Платонъ замѣтилъ: „какъ во всѣхъ сихъ книгахъ ничего полезнаго не заключается, то онѣ и печатаны быть не заслуживали!..“ О самой личности Новикова Платонъ писалъ: „молю всецѣдраго Бога, чтобы не только въ словесной паствѣ, мнѣ ввѣренпой, но и во всемъ мірѣ были хрістіане таковыя, какъ Новиковъ“. На этотъ разъ Новиковъ былъ оставленъ въ покоѣ, но когда онъ пожелалъ возобновить контрактъ относительно дальнѣйшей аренды университетской типографіи, императрица рѣшила: „Новикову не отдавать типографіи: *c'est un fanatique*“. Въ 1791 г. „типографическая компанія“ принуждена была прекратить свою дѣятельность, а въ апрѣлѣ 1792 г. разразился надъ мартинистами окончательный ударъ. „Вдругъ, рассказываетъ Лопухинъ, — всѣ книжныя лавки въ Москвѣ запечатали, также типографію и книжныя магазины Новикова, и дома его наполнили солдатами, а онъ изъ подмосковной взятъ былъ подъ тайную стражу, съ крайними предосторожностями и съ такими воинскими снарядами, какъ-будто на волоскѣ висѣла цѣлость всей Москвы“. Для ареста Новикова былъ отправленъ эскадронъ гусаръ. Вмѣстѣ съ Новиковымъ къ дѣлу были привлечены двое Трубецкихъ, Невзоровъ, Лопухинъ. Невзорова и Колокольникова, только-что вернувшихся изъ-за границы, привезли въ Петербургъ, въ невскій монастырь, подъ именемъ „якобинцевъ“. Князь Прозоровскій тоже былъ убѣжденъ, что масоны — якобинцы,

и допрашивалъ ихъ о перепискѣ „съ французами“... Когда къ нему привезли Новикова, то Прозоровскій началъ допросъ тѣмъ, что, указывая на одну изъ изданныхъ Новиковымъ книгъ нравственнаго содержанія, въ которой внизу страницъ находились обыкновенныя краткія ссылки на главы и мѣста библии, сказалъ: „вотъ тутъ-то, подъ этими знаками, и скрываются ваши зловерныя разсужденія. Все это разберутъ и узнаютъ ваши умыслы!“ („Русск. Вѣстн.“, т. XI, стр. 572.) Понятно, что съ такими нелѣпыми вопросами Прозоровскій немного могъ открыть изъ „адскихъ замысловъ тонкаго плута“ Новикова, хотя есть извѣстіе, что онъ подвергалъ его пыткѣ. Новиковъ былъ отправленъ подъ сильнымъ конвоемъ, обольными дорогами, въ Шлиссельбургъ, куда допрашивать его ѣздилъ Шешковскій.

Вотъ нѣкоторые изъ вопросовъ, заданныхъ Новикову, и взведенныхъ на него обвиненій:

„Предлагалъ ты сборищу (т. е. масонскому обществу), чтобы составить комитетъ для перевода (религіозныхъ) системъ древнихъ народовъ и богослуженія; а какъ въ Россіи богослуженіе и обряды уже установлены, то за симъ никакое богослуженіе и обряды, а паче египетскіе и жидовскіе, кои на евангеліи не основаны, терпимы быть не могутъ“, то, слѣдовательно, переводомъ упомянутыхъ системъ масоны хотѣли развращать ученіе российской церкви“.

Масонское общество, назвавшееся орденомъ, подало поводъ къ разспросамъ, какъй такой орденъ носятъ масоны? „Объ орденѣ хотя и говорятъ, что у нихъ никакого ордена не возлагаютъ, но сіе сказано негравда, потому что изъ бумагъ ихъ видно, что они называютъ его святымъ и дѣлаютъ ему присягу съ ужасною клятвою, а скрываютъ о ношеніи онаго потому, чтобы избѣгнуть за самовольное его ношеніе законнаго осужденія!..“

Новикозу поставлено въ вину, что вся его дѣятельность „клонилась къ благополучію людей, т. е. равенству“! Поставлено въ вину, что съ просьбою о наученіи его закону божію онъ прибѣгалъ „къ невѣдомому человѣку Рейхелю, а не къ российскимъ пастырямъ, конечно, просвѣщеннымъ и свѣдущимъ законъ божій“. Сношенія масоновъ съ своими магистрами, принцами брауншвейгскимъ и кассельскимъ, было выставляемо въ такомъ видѣ, что

они, „будучи подданными самодержицѣ, нарушили свои обязательства государю и государству“ и вступили въ иностранное подданство! Мало того, Новиковъ оказался „грабителемъ и мошенникомъ“. Самъ онъ показалъ, что въ четыре года барыша (отъ книжной торговли) получилъ 150,000 р., „а изъ сего довольно ясно, какѣ онъ продажею книгъ грабилъ публику, а потому можно-ли его благонамѣреннымъ и непорочнымъ назвать!“ Изъ одного того, что Походяшинъ далъ новиковскому обществу 50,000 р., было выведено, „что Походяшинъ имѣ (Новиковымъ) коварно обольщенъ и обманутъ, ибо 50,000 р. таковому, каковъ есть Новиковъ, повѣрить, да еще безъ всякаго обязательства, никакъ, кажется, невозможно!“ Новикову предлагали письменно отречься отъ его мнѣній; онъ не согласился, и его посадили въ шлисельбургскую крѣпость на пятнадцать лѣтъ. Его имѣніе, два дома въ Москвѣ, аптеку, типографію, книги велѣно продать съ аукціона для уплаты его долговъ, а остатокъ, равно какъ и облигацию въ 50,000 р., данную Походяшинымъ „на вспомошествованіе неистовымъ дѣламъ“ Новикова, отдать въ приказъ общественнаго призрѣнія.

Въ первый-же день своего царствованія Павелъ освободилъ Новикова и послѣдній отправился въ свое подмосковное село Тихвинское. „Онъ прибылъ къ намъ, говорить Гамалѣя, — дряхлѣ, старѣ, согбенѣ, въ разодранномъ тулупѣ... Нѣкоторое отсвѣчиванье небесной радости видѣлъ я на здѣшнихъ поселянахъ, какъ они съ радостными слезами обнимали Николая Ивановича, вспоминали при томъ, что они въ голодный годъ великую черезъ него себѣ помощь получили, и не только здѣшніе жители, но и отдаленныхъ чужихъ селеній“. Больной, дряхлый Новиковъ провелъ въ Тихвинскомъ послѣдніе годы своей жизни, не помышляя уже ни о какой общественной дѣятельности. Съ нимъ жилъ и Гамалѣя. Къ нимъ нерѣдко пріѣзжали не только масоны, но и вообще благочестивые люди для бесѣдъ, за совѣтами и т. д. Вотъ, напр., скептикъ Карамышевъ, желая разрѣшить свои сомнѣнія, отправляется въ Тихвинское. „Въ Гамалѣѣ, говорить онъ, — нашелъ я маленькаго старичишку, невиднаго, котораго можно щелчкомъ пришибить. Безъ дальнихъ обиняковъ сказываю ему причину моего посѣщенія, т. е., что я часто колеблюсь въ дѣ-

дахъ вѣры и отъ него надѣюсь получить объясненіе. Узнавши, что я горный чиновникъ, Гамалѣя замѣтилъ, что я долженъ знать нѣкоторыя науки, и спрашивалъ, посредствомъ которой я желалъ-бы убѣдиться въ дѣлахъ вѣры? Я съ трудомъ могъ удержаться отъ смѣха, и чтобы одурачить его, для смѣха выбралъ ботанику и съ тѣмъ вмѣстѣ, чтобы скрыть свой смѣхъ, вынимаю часы и гляжу на нихъ. Старикъ началъ говорить. Презрѣніе мое замѣняется вниманіемъ, наконецъ, переходитъ въ уваженіе, и съ тѣмъ вмѣстѣ я ему сказалъ: довольно! Не прошло еще пяти минутъ, а онъ уже убѣдилъ меня вполне“ („Русск. Старица, т. V. стр. 569.) Когда наступила реакція, сопровождавшая нашествіе Наполеона, Новиковъ и другой масонъ, Ключаревъ, снова обратили на себя недоброе вниманіе, такъ-какъ принимали къ себѣ французскихъ раненыхъ, а въ перехватываемой корреспонденціи Новикова съ знакомыми возбудило подозрѣніе то обстоятельство, что „въ сихъ письмахъ выраженія просты чрезвычайно, такъ-что подозрѣвать можно, что оныя должны быть тѣми особенно толкованы, кои ключъ загадки сей имѣютъ“ („Русск. Архивъ“, 1866, стр. 693.) Въ послѣдніе годы его жизни мистицизмъ Новикова дошелъ до крайности. Онъ уже не мирилъ науку съ вѣрою, а положительно отрицалъ самостоятельность первой; онъ отвергалъ химію и съ негодованіемъ говорилъ о Лавуазье. „Съ позволенія нашихъ астрономовъ, писалъ онъ Карамзину въ 1814 г.,—они изволятъ бредить, находя болѣе 7 планетъ, находя и видя неподвижныя звѣзды и жалую ихъ въ солнцы. Ни больше, ни меньше 7 планетъ быть не можетъ, ибо Богъ сотворилъ ихъ только семь и наполнилъ ихъ силами, каждой приличными. Неподвижныхъ звѣздъ быть не можетъ, ибо неоспоримая истина — что не имѣетъ движенія, то мертво, ибо жизнь есть движеніе. Нынѣшніе физики, не довольствуясь 4 стихіями, которыхъ Богъ сотворилъ 4 только, а не болѣе, совсѣмъ ихъ разжаловали изъ стихій за то только, что по ихъ высокой наукѣ, что можетъ дѣлиться, то не есть стихія. Какая слѣпота и какое нищенское понятіе! Однако они наградили насъ почти сотнею стихій. Химики все прежнее отбросили и надѣлили насъ какими-то газами, т. е. пустыми словами, неимѣющими ни значенія, ни силы. И кто можетъ всѣ ихъ бредни ис-

числить? Не письмами, а фоліантами развѣ можно описать ихъ!“ Но даже въ домашнемъ кругу онъ рѣдко вдавался въ подобные споры. Онъ уже не думалъ ни о чемъ земномъ и хлопоталъ только объ уплатѣ долговъ по старымъ счетамъ. Есть даже извѣстіе, что Новиковъ, другъ крестьянской свободы, сдѣлался суровымъ къ своимъ крѣпостнымъ. Д. Бутурлинъ рассказывалъ, что въ юности онъ вмѣстѣ съ отцомъ своимъ часто ѣздилъ къ Новикову въ деревню. „У него былъ въ родѣ секретаря молодой человекъ изъ крѣпостныхъ, которому далъ онъ нѣкоторое образованіе. Онъ при гостяхъ всегда обѣдалъ за однимъ столомъ съ бариномъ своимъ. Въ одно лѣто, старикъ Бутурлинъ, пріѣхавъ къ Новикову, замѣтилъ отсутствіе молодого человека и спросилъ, гдѣ же онъ? „Онъ совсѣмъ избаловался, отвѣчалъ Новиковъ, — и я отдалъ его въ солдаты“ („Русск. Архивъ“, 1873, стр. 2148.) Новиковъ умеръ 74 лѣтъ, въ іюлѣ 1818 г. Вліяніе лучшей поры его дѣятельности продолжалось долго. Еще при его жизни по слѣдамъ его пошелъ его ученикъ Карамзинъ, а черезъ семь лѣтъ послѣ его смерти выступилъ на журнальное поприще достойный его преемникъ, такой-же самоучка, Полевой съ „Телеграфомъ“ и „Новымъ Живописцемъ“. Даже на Грибоѣдовѣ замѣтно вліяніе новиковской сатиры, а журналы Новикова съ удовольствіемъ читались публикой и въ настоящемъ столѣтіи. Даже седьмое изданіе „Живописца“ 1864 г. и третье „Трутни“ 1865 г. давно уже разошлись. Его просвѣтительное значеніе было такъ-же велико, какъ симпатична его личность. Что-же касается его славянофильскихъ увлеченій, то они тоже не остались безъ вліянія. Бирѣвскіе, Хомяковы, Аксаковы восприняли эти идеи, и будучи не въ состояніи создать изъ нихъ систему силою русскаго ума, которою столько восторгались, они, подобно сказочнымъ посламъ древнихъ славянъ, отправились къ Шеллингу и другимъ нѣмцамъ. „Думы наши широки и обильны, но порядка въ нихъ нѣтъ...“ Нѣмцы дали порядокъ.

Что-же касается масонскаго мистицизма Новикова и друзей его, то хотя онъ и оказался менѣе живучимъ, чѣмъ славянофильство, но гоненіе, поднятое на него въ концѣ екатерининскаго царствованія, было не въ состояніи искоренить его. Масоны только при-
таились, но еще при жизни Новикова дѣятельность ихъ оживи-

лась даже съ удвоенной силой. Но духъ времени повліялъ и на него и, проникнувъ въ его устарѣлыя формы, началъ значительно измѣнять ихъ. Въ царствованіе Александра I старыя масоны, въ родѣ Новикова, Ключарева, Поздѣва, Лабзина, держались еще прежнихъ своихъ традицій, но послѣднія постепенно слабѣли и умирали, не получивъ своего окончательнаго логическаго развитія; алхимическія увлеченія масоновъ внушали уже мало вѣры въ себя, и, не достигнувъ высшихъ „градусовъ“ розенкрейцерства, московское масонство переходило въ аскетическій мистицизмъ, почти вполнѣ солидарный съ его традиціонною формою.

Въ Европѣ къ масонству примыкали даже такіе дѣятели, какъ Лессингъ, которые старались придать ему характеръ космополитической гуманности. При открытіи ложъ въ царствованіе Александра *) это направленіе начало проникать и въ русское масонство при посредствѣ нѣмцевъ, особенно Шредера и извѣстнаго Феслера, либеральная религіозность котораго и его отрицаніе высшихъ градусовъ навлекли на него ненависть старыхъ масоновъ и гоненія со стороны духовенства. Но въ болѣе молодой и либеральной средѣ онъ встрѣтилъ большое сочувствіе къ себѣ и на его голосъ отозвались Бадугьянскій, Ал. Тургеневъ, Уваровъ, Павскій, Сперанскій. Самъ Александръ увлекался этимъ мистицизмомъ и часто бесѣдовалъ „о предметахъ сего рода“ съ Сперанскимъ, который съ его вѣдома поступилъ въ ложу Феслера. „Что другое (въ этихъ бесѣдахъ), писалъ Сперанскій Александру изъ своей пермской ссылки, — что другое вы слышали отъ меня, кромѣ указаній на достоинство человѣческой природы, на высокое ея предназначеніе, на законъ всеобщей любви, яко единый источникъ бытія, порядка, счастья, всего изящнаго и высокаго?“ Но либерализмъ людей, подобныхъ Сперанскому, такъ-же легко мирился съ самымъ крайнимъ мистическимъ аскетизмомъ, какъ и ретроградство какого-нибудь Поздѣва. Десять лѣтъ до ссылки Сперанскій изучалъ мистиковъ, въ родѣ Бѣма и Сен-Мартена, но

*) Съ 1804 г. масонскія ложи открывались въ Петербургѣ, Москвѣ, Кронштадтѣ, Митавѣ, Вологдѣ, Симбирскѣ, Орлѣ, Кіевѣ, Полтавѣ, Бѣлостокѣ, Томскѣ, Кам.-Подольскѣ, Одессѣ, Ревелѣ, Ямбургѣ, Феодосіи, Житомирѣ, Кишиневѣ и т. д.

это, по его выраженію, была „лишь азбука“. Потомъ онъ дошелъ до высшихъ степеней аскетическаго мистицизма и, чтобы „увидѣть *світъ Фавора*“, совѣтовалъ своимъ друзьямъ древній способъ: сѣсть въ уединенной комнатѣ и устремить взоры на свой пупъ (Р. Арх., 1870.)

Старые масоны составили союзъ Провинціальной ложи, новые—союзъ Астреи, который по указу обязанъ былъ „не имѣть, въ предметъ работъ, изысканія сверхъестественныхъ таинствъ, не слѣдовать правиламъ иллюминатовъ и мистиковъ, ниже алхимистовъ, убѣгать всѣхъ подобныхъ несообразностей съ естественнымъ и положительнымъ закономъ, и, наконецъ, не стараться о возстановленіи древнихъ рыцарскихъ орденовъ“. При Екатеринѣ центромъ масонства была консервативная Москва, теперь-же имъ сдѣлался Петербургъ, либеральный, особенно съ 1815 г. При Екатеринѣ въ ложахъ господствовали почти исключительно аристократы, теперь-же въ нихъ появляется масса чиновниковъ, офицеровъ, купцовъ, учителей, медиковъ. Въ числѣ ихъ членовъ были и представители интеллигенціи, Чаадаевъ, Грибоѣдовъ, Гречъ, Рылѣевъ, Ф. Глинка, Н. Бестужевъ, Дельвигъ, Кюхельбеккеръ, Вигель, Батенковъ, Котляревскій и т. д. Но въ нихъ много было и закоренѣлыхъ обскурантовъ и людей совершенно равнодушныхъ ко всякимъ умственнымъ интересамъ. Многіе собирались въ ложи только покутить, какъ свидѣтельствуешь, напр., Степановъ („Русская Старина“, I, 155.) То-же говоритъ и Вигель: „Въ первомъ-же изъ общихъ собраній Віельгорскій не могъ скрыть удивленія и сожалѣнія своего, увидѣвъ меня принадлежащимъ къ обществу, которое между потомками храмовниковъ не пользовалось доброю славой (Вигель былъ въ ложѣ *Amis du Nord*); казалось, что нравственности моеи грозитъ опасность. Никто изъ сѣверныхъ друзей не былъ проникнутъ чувствомъ истиннаго вольнаго каменища: Сіонъ, Прево и всѣ прочіе были народъ веселый, гульливый; съ трудомъ выдержавъ серьезный видъ во время представленія пьесы, спѣшили они пошататься, поѣсть, попить, и преимущественно попить; всѣ материнскія увѣщанія Провинціальной ложи остались безуспѣшны. Но когда я разглядѣлъ пристальнѣе елизаветинскихъ масоновъ, то нашелъ, что они ничѣмъ не лучше: они также любили ликовать, пировать, только вдали отъ

взоровъ свѣта, въ кругу самыхъ короткихъ. Исключая главы ихъ Вѣльгорекаго, я не встрѣтилъ между ними ни одного чело-вѣка, достойнаго уваженія“... Но были и люди, искренно вѣро-вавшіе масонству, и оно производило на нихъ сильное обаяніе своею мнимую древностью, своею таинственностью. „При первомъ всту-пленіи въ ложу его поразила (говорить Батенковъ про себя въ третьемъ лицѣ) глубокая тишина и серьезное настроеніе собранія. Онъ почувствовалъ, несмотря на простоту обстановки, пребываніе нѣкоего особаго древняго свѣта, предъ нимъ предстало таинство. Обозрѣвая символическія вещи, онъ замѣтилъ, что онѣ прошли черезъ вѣки, и люди ихъ не касались. Принявъ званіе ученика, онъ сму-тился, видя необходимость сложиться вновь. Его поразило, что никто не можетъ произнести слова, не получивъ на то позволенія мастера, и наблюдаемая обязанность безмолвно и внимательно слу-шать, что говоритъ одинъ изъ прочихъ. Всѣ движенія должны имѣть геометрическую правильность. Символь ученика есть грубый булыжный камень, и упражненіе его должно состоять въ отвердѣ-ніи, чтобъ быть годнымъ въ зданіе храма, посвященнаго вѣчному духовному существу“. При всей неказистости, на современный взглядъ, своего мистицизма, масонство имѣло ту хорошую сторону, что мно-гіе вырабатывали въ немъ хорошія убѣжденія и независимость характера. Даже самый мистицизмъ ихъ былъ, по справедливо-му замѣчанію Пыпина, до нѣкоторой степени полезенъ для на-шего общества. „Въ грубой массѣ нашего общества, недумав-шей ни о какихъ отвлеченностяхъ, мистики являлись все-таки людьми съ какимъ-бы то ни было убѣжденіемъ, которое имѣло свой хотя элементарный смыслъ. Таковы были, напримѣръ, ихъ толки о внутренней религіи и ихъ вѣчные споры съ тѣмъ ду-ховенствомъ, которое, по недостатку порядочнаго образованія, слишкомъ держалось за одну внѣшнюю религіозность. Сами мистики, правда, мало помогали этому недостатку, но они, по крайней мѣрѣ, его видѣли и даже иногда съ нѣкоторой храб-ростью указывали. Въ духовенствѣ были люди, признававшіе за ними правду, и митрополитъ Филаретъ въ своей молодости часто бывалъ ихъ союзникомъ; другіе охотно съ ними спорили; за то третьи, которымъ старый порядокъ вещей былъ совершенно хо-рошъ, какъ Фотій, обвиняли ихъ, какъ безбожниковъ и учени-

ковъ антихриста... Не надо при этомъ забывать, что весь умственный уровень массы былъ тогда крайне невысокъ, мистическій туманъ застилалъ даже такіе умы, какъ Сперанскій, и эти люди выдѣлялись изъ массы, по крайней мѣрѣ, какимъ-нибудь взглядомъ, который они обыкновенно готовы были упорно защищать, а это уже имѣло свое значеніе въ безличномъ и недумающемъ русскомъ обществѣ.—Такъ выдѣляются и раскольники изъ массы простого народа“. Правда, что отъ этого мистицизма для многихъ было не далеко до неистоваго фанатизма Рунича и Магницкаго, что многіе другіе послѣдователи масонства удовлетворились потомъ дѣятельностью библейскихъ обществъ, но черезъ масонство-же прошли и тѣ многіе, общественная дѣятельность которыхъ ознаменовалась воплѣть прогрессивными стремленіями. Такимъ образомъ, въ началѣ настоящаго вѣка масонство было уже наканунѣ смерти, такъ-какъ въ ложахъ сидѣли вмѣстѣ мрачные аскеты и веселые кутилы, будущіе дѣятели аракчеевской реакціи и будущіе члены либеральныхъ кружковъ. Въ 1822 г. ложи, подъ влияніемъ европейской реакціи, были закрыты и масонство запрещено. Но это запрещеніе убило только внѣшнюю, декоративную сторону его,—либеральные члены масонства начали составлять кружки, которые быстро развивались и уже не имѣли въ себѣ ничего мистическаго...

Масонскія ложи пали, но мистицизмъ Новикова и другихъ масоновъ нашелъ себѣ много послѣдователей, довольно долго держался въ обществѣ и чрезвычайно вредно дѣйствовалъ на юную русскую науку. Мистицизмъ этотъ проникалъ даже въ математику. „Въ математикѣ, говорилъ, напр., профессоръ казанскаго университета 20-хъ годовъ, Никольскій, — въ математикѣ содержатся превосходныя подобія священныхъ истинъ, вѣроу возвышаемыхъ. Напр., какъ числа безъ единицы быть не можетъ, такъ и вселенная, яко множество, безъ единаго владыки существовать не можетъ“ и т. д.

Такихъ профессоровъ было много. Въ кіевскомъ университетѣ профессоръ астрономіи Федоровъ „сквозь видимое небо созерцалъ небо невидимое, духовное“ и напечаталъ рѣчь „о мнимомъ противорѣчіи, явствующемъ изъ познанія неба видимаго, вещественнаго, и истинами, въ которыхъ открывается человеку небо невидимое, духовное“. Профессоръ химіи Зѣновичъ (1834—1839 г.)

былъ настоящимъ Парацельсомъ и читалъ такія лекціи: „въ теоретической части органической химіи было показано мною существованіе *пятого, невидимаго* органическаго начала и его дѣйствіе на атомы тѣлъ и теплотворъ; по отношенію къ человѣку показано *шестое невидимое* начало—душа“ и т. д. „О, то великая и важная есть наука—хэмыя“, восклицалъ часто этотъ алхимикъ, подавшій въ 1837 г. въ академію наукъ нелѣпѣйшее разсужденіе „о необходимости измѣненія общихъ основаній наукъ, всѣхъ теорій и системъ“. Въ нѣкоторыхъ университетахъ подобные мистики держались даже до 60-хъ годовъ, а въ наши дни духовными дѣтьми ихъ являются гг. Бутлеровъ и Вагнеръ, ученыя проповѣдники бредней спиритизма.

С. Шапковъ.